

художник, время, человек

НЕОТКРЫТОЕ — РЯДОМ

Лауреат Государственной премии СССР Сергей Залыгин — автор многих книг, широко известных произведений «На Иртыше», «Соленая Падь», «Комиссия», «Южноамериканский вариант». По профессии Сергей Павлович — инженер-гидролог и гидротехник. Он долгое время сотрудничал в Сибирском отделении Академии наук СССР. И сегодня в своих произведениях писатель не обходит темы природы, ее сохранения. После недавней творческой конференции писателей и критиков «Герои великих строек нашего времени и советская литература», проведенной Союзом писателей СССР в Тюмени, состоялась эта беседа.

— Поездка была интересной. Она познакомила нас с тюменцами — людьми, по праву называемыми героями великих строек, героями современности, — начал разговор Сергей Павлович. — Они вершат на своей земле настоящий подвиг. Масштабы их деяний фантастические. Мне и раньше приходилось много ездить по стране, бывать на строительстве больших гидростанций на Волге, по своему времени очень значительных и масштабных. Сегодня по сравнению с Тюменью они такими не кажутся. Это и понятно: стройкой стала область, по размерам превосходящая многие европейские государства, вместе взятые. Таково течение времени. И хотя литераторы много ездят, много встречаются с людьми, эта поездка как для меня, так и для моих коллег, без сомнения, была наиболее поучительной.

— На этой конференции отмечались произведения, посвященные великим стройкам, но говорилось и о том, что таких книг мало, они не отражают всей силой художественного слова все происходящее. Какова здесь Ваша точка зрения?

— Литературе трудно сразу освоить столь богатый материал, непросто оперировать такими грандиозными и поистине историческими по существу событиями, как, скажем, освоение Западной Сибири. Нужна

дистанция времени. История оперирует фактом, литература и искусство, кроме того, — категориями более тонкими: психологией людей, участвующих в этих событиях, индивидуальными характеристиками. Может показаться странным, но именно эти «тонкости» осмысливаются нами труднее и позже того, как события уже произошли.

Наверное, нужно создать такое произведение, в котором бы были показаны как бы две различные картины — глухой, полузабытый таинственный край и край, к которому приковано внимание всей страны, где кипит жизнь. Эти изменения можно сравнить со становлением человека: вот ребенок — он только учится видеть, говорить, ходить, мыслить, а вот взрослый, полный сил человек, возмужавший, уверенный в своих силах и много делающий. Проследить и художественными средствами показать этот рост со всеми драматическими коллизиями — задача писателя. Драматизм есть в любой жизни и уж обязательно присущ большим событиям. И освоение Сибири тоже...

— Художник всегда чувствует ответственность человека перед людьми, перед обществом, а в эпоху научно-технической революция эта ответственность, очевидно, возрастает?

— Конечно! Хотя бы уже потому, что нам предстоит по-

нять, что же такое НТР? Пока мы не очень конкретны в этом понимании, для нас пока это понятие общее, некая эмблема современности. Символ ее. Для меня он означает прежде всего стремительное вторжение будущего в настоящее.

Главной задачей и собственным делом литературы сегодня является создание художественного образа такого героя, который бы осмысливал проблемы не только своего, но и будущего времени. И сам по себе как можно полнее эти проблемы отражал. Мне уже приходилось однажды отмечать, что такой герой отнюдь не обязан быть хоульдо-положительным, но его опыт должен быть поучительным, как и все то, что с ним происходит, что он перенес и претерпел. Это должен быть герой, мыслящий современными категориями.

Думаю, что литературе всегда не хватало жизнелюбия, которое обычно расценивается как легкомыслие, ограниченность, считается чуть ли не признаком дурного тона. А по моему, признак дурного тона как раз в отсутствии достаточного уважения к жизни, фамильярно-беззаботное отношение к ней.

Глобальность и всеобщность — вот символ НТР. Поэтому возрастают роль и ответственность художника. Но еще остается вопрос: а как он со своей задачей справляется? Какими средствами? В руках ученого меняется инструмент исследования — создаются сложные, дорогостоящие приборы, а в распоряжении писателя, как и сто лет назад, — бумага, стол, перо. Отсюда новые требования к личности создателя художественных ценностей, к его зоркости, обще-

ственной зрелости. И сегодня уже мало показать характер вне связи с окружающей средой, вне связи с обществом. Сегодня художник должен быть обществоведом.

— С какой же книги начинается настоящий писатель?

— Строго говоря, с той, без которой нельзя представить современную литературу. Вот есть писатель, у него 15—20 книг, но если их не будет, литература от этого не пострадает, общая ее картина не изменится. Но это скорее всего теория, а практика иная: не все же инженеры непременно должны быть изобретателями, как и не все писатели могут быть выдающимися художниками. Более того, без сложения опыта, так сказать, массы произведений вряд ли может возникнуть произведение выдающееся, весьма значительное. Произведение среднее выявляет все то, что еще не сказано или сказано не так. А вот все накопленное целым поколением писателей может явиться в будущем основой подлинного художественного открытия.

И вот уже мы имеем дело с этими открытиями, такими, как проза сравнительно еще молодого Распутина или Астафьева. Скажем, Василий Шукшин обратил нас к повседневной жизни, что всегда очень трудно сделать литератору. А у Шукшина все обычно, он возродил «литературу случая», возвратил новеллистику к жанру истинно русскому — к почти что устному рассказу о самой обычной повседневности. И как реалист в современной реалистической литературе занял особое место.

Или Виктор Астафьев — писатель традиционный, следующий устоявшимся, классическим образцам прозы. Но об-

ратите внимание: истинно философские срезы дает он в повествовании «Царь-рыба»!

— А какие выводы из творчества этих писателей могут сделать начинающие литераторы?

— Каждое настоящее художественное произведение — это целая школа для молодых, но я скажу об одном свойстве всякого мастера: он умеет поставить перед собой задачу, свойственную его таланту и сюжетно ограниченную. Что случилось в «Последнем сроке» Распутина? Умерла старая женщина. Сюжет ограничен, зато он исчерпан писателем до конца, а это значит, что из частности он вырос в явление общественное.

— Не будет ли локальность задачи отдельного художника противоречить задаче всей литературы, которая должна отразить такую эпоху, как наша?

— Все дело в том, что не может быть произведения всеобщего, картина любой эпохи складывается не из одной, а из множества картин. Другое дело, что художники не должны быть одинаковыми, не должны ставить перед собой одни и те же задачи. Круг их творческих поисков расширяется запросами самой жизни, возникают новые понятия, новые вопросы — что, скажем, кроется за «эмблемой» НТР, что она такое и практически, повседневно, и в смысле глобальном, и в деле построения справедливого коммунистического общества? Я, конечно, имею в виду такого рода расщепровку в области литературно-художественной, поскольку речь идет о литературе. Наконец, возрастает и чувство ответственности художника перед будущим, а это тоже та причина, в силу которой расширяется круг его интересов.

Именно ради этого мы, писатели, и путешествуем по просторам нашей Родины.

Это и привело нас в Тюмень и приведет еще на многие великие стройки.

Беседу вел Н. ГОРБАЧЕВ.